

УДК 930.2

А.В. Лубский

A.V. Lubsky

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ
В РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ**

**INTELLECTUAL SITUATION
IN RUSSIAN HISTORICAL
SCIENCE AT THE TURN
OF THE CENTURY**

В статье рассматривается интеллектуальная ситуация, сложившаяся в российской исторической науке после постмодернизма, выявляются негативные в ней тенденции и намечаются когнитивные прорывы в русле нового методологического сознания.

***Ключевые слова:** историческая наука, интеллектуальная ситуация, методологическое сознание, когнитивная мода, постмодернизм, неоклассическая модель исторического исследования, историческая концептология.*

Intellectual situation formed in Russian historical science after postmodernism and some negative trends in it are considered in the article. Cognitive breakthroughs within the framework of a new methodological consciousness are also outlined.

***Key words:** historical science, intellectual situation, methodological consciousness, cognitive fashion, postmodernism, non-classical model of historical research, historical conceptology.*

А.В. Лубский

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политологии и права ИППК ЮФУ.
E-mail: n_lav@mail.ru

A.V. Lubsky

The Doctor of Philosophy, the professor of faculty of sociology, political science and right of IRIPS of SFU.
E-mail: n_lav@mail.ru

© Лубский А.В., 2013

© Lubsky A.V., 2013

В научной литературе существуют различные оценки состояния российской исторической науки на рубеже XX–XXI вв. Во второй половине 90-х гг. прошлого столетия эти оценки, находясь в пространстве политико-идеологического дискурса, в основном носили негативный характер. Так, одни ученые полагали, что историческая наука в России является одним из оплотов консервативных антинаучных сил в стране [1]. Другие, наоборот, утверждали, что историческая наука стала служанкой либерального режима и вновь фальсифицирует прошлое в угоду настоящему [2]. В то время расхожим было представление о том, что российская историческая наука, отказавшись от марксизма и не найдя новой методологической опоры, пребывает в кризисе [3]. Часть историков продолжала искать такую опору в марксизме, но освобожденном от «скверны» сталинизма и догматизма [4]. Другая – выход из кризиса видела в «синтезе различных теоретико-методологических идей» [5].

Характеризуя состояние исторической науки в России на рубеже веков, некоторые ученые подчеркивают, что она переживает чрезвычайно противоречивый и болезненный период, связанный как с накопившимися проблемами ее внутреннего развития, так и с общими процессами в интеллектуальной сфере [6]. На сложившуюся в российской исторической науке ситуацию большое влияние оказали те изменения, которые, с одной стороны, произошли на российском интеллектуальном ландшафте [7], а с другой – в исторической эпистемологии в целом [8].

Изменения на российском интеллектуальном ландшафте были, во-первых, связаны с тем, что после «отмены» марксизма и обретения эпистемологической «свободы», российские историки оказались в ситуации выбора методологических оснований своей профессиональной деятельности. Во-вторых, на их профессиональную деятельность большое влияние стала оказывать идеологическая ангажированность различных политических пристрастий. Не придя к согласию относительно желательного будущего страны, российская интеллектуальная элита, как отмечают исследователи, продолжала бескомпромиссно спорить и о прошлом, предлагая публике его разные и несовместимые образы [9].

В связи с этим в российской исторической науке обнаружилась такая негативная тенденция, как идеологическая ангажированность познавательного духа. Она во многом была обусловлена тем, что исторический дискурс в современной России, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы [10]. Благодаря этому интеллектуальная ситуация, сложившаяся в российской исторической науке, характеризуется не столько конкуренцией различных методологических подходов, сколько противостоянием позиций, которые соотносимы прежде всего с «большими идеологиями» – либерализмом, консерватизмом и национализмом.

На формирование интеллектуальной ситуации в российской исторической науке большое влияние оказали также те изменения, которые произошли в исторической эпистемологии в целом. Эти изменения были связаны в первую очередь с критикой эпистемологических идей постмодернизма, ставшими модными среди определенной части историков-интеллектуалов в последней трети XX в. Это было обусловлено тем, что первоначально постмодернизм воспринимался многими историками как интеллектуальное течение с явно выраженной гуманитарной направленностью, отказавшееся от жесткого сциентизма позитивистской историографии. Этими историками постмодернизм отождествлялся с антропологическим подходом в исторической науке. Только в конце прошлого века появляются работы, в которых постмодернизм стал рассматриваться в русле преодоления модернистских норм мышления и связываться со стратегиями постструктурализма и деконструктивизма, отказом от субъектно-объектной дихотомии. Однако такая трактовка постмодернизма обесценивала практически все профессиональные навыки, которыми гордились ученые, поэтому их реакция на распространение постмодернистских идей в исторической науке стала более чем сдержанной, а затем и критической.

Критика постмодернизма в исторической науке была направлена на его эпистемологические претензии, которые разрушали все привычные представления об исторической реальности и природе исторического познания. Эти претензии сводились к следующему: 1) историческая реальность не существует сама по себе, она начинает существовать только благодаря интерпретациям; 2) в историческом познании большое значение имеют культурно-эпистемологические фильтры, опосредующие интерпретацию его предмета; 3) историческая реальность раскрывается в соответствии с конкретным набором представлений или ценностей, на которые опирается интерпретатор; 4) исторические знания носят конвенциональный характер, они появляются не в результате взаимодействия субъекта и объекта исторического познания, а в ходе сопоставления мнений и взглядов историков по той или иной проблеме; 5) историческая реальность не воспроизводится, а конструируется в процессе исторического дискурса; 6) исторические тексты являются лишь субъективными предпочтениями, взятыми из бесконечного множества возможных дискурсивных стратегий; 7) существует множество познавательных парадигм, ни одна из которых не может претендовать на монополию; 8) множественность познавательных парадигм порождает плюралистическое видение исторической реальности; 9) язык историка – это не «зеркало», отражающее историческую реальность, а ее конструктор; 10) стремление к истине – атрибут репрессивного мифологического сознания.

Эпистемологический «вызов», брошенный постмодернизмом исторической науке, сопровождался тем, что в ней начали размываться стан-

дарты научной деятельности, а историческое знание стало приобретать принципиально гетерогенный и фрагментарный характер. В результате в историческом познании произошла девальвация научно-теоретического разума. Вследствие этого наступил эпистемологический кризис, который, как отмечают некоторые исследователи, поставил под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировал возможности исторического постижения и подорвал нашу способность «определять себя во времени» [11].

Базовым принципом постмодернизма в историческом познании, отрицающим возможность получения объективно истинного знания, выступает принцип радикального конструктивизма, или исторический антиреализм. Радикальный конструктивизм исходит из того, что историческая реальность является лишь продуктом аутопоэтического сознания познающего субъекта и такого стиля его мышления, который основывается на принципе «affirmo – ergo est» («утверждаю, значит, так есть»). Поэтому в исторической науке после постмодернизма, в которой еще не иссякло стремление к постижению прошлого, эпистемологические постулаты радикального конструктивизма подвергаются обстоятельной критике.

Вместе с тем некоторые идеи постмодернизма в настоящее время позитивно воспринимаются наиболее креативной частью академического сообщества историков. В результате в исторической науке возникло особое течение – критический реализм, представители которого, с одной стороны, признают, что конструктивистское начало присутствует во всяком научном познании, а с другой – отвергают радикальный постулат постмодернизма о том, что историческая реальность является лишь продуктом сознания познающего субъекта. Поэтому в исторической науке после постмодернизма стали распространяться идеи конструктивного реализма, направленные как против объективистского «сциентизма», так и конструктивистского «презентизма» в историческом познании [12].

Сторонники конструктивного реализма в историческом познании, преодолевая оппозицию исторического реализма и конструктивизма, исходят из того, что познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует историческую реальность в рамках конкретного культурно-эпистемологического контекста, но такую реальность, которая в определенной мере соответствует исторической действительности. Разновидностью конструктивного реализма в исторической науке выступает конструктивный альтернативизм, согласно которому историческая реальность может интерпретироваться историками разными способами на основе «конструктивных альтернатив», или моделей исторического исследования [13].

Под влиянием идей конструктивного альтернативизма происходит становление нового типа методологического сознания, которое во многом определяет специфику интеллектуальной ситуации в исторической науке

после постмодернизма. В этом сознании актуализируется вопрос о субъективном «мире» исторического знания, в котором обнаруживает себя объективный «мир» исторической действительности. Данный тип методологического сознания основан на представлениях о том, что: 1) научное историческое исследование, протекающее при определенных культурно-эпистемологических условиях, обусловлено стилем мышления того академического сообщества, к которому принадлежит ученый, и его методологическими ориентациями; 2) историк, веря в целесообразность (или смыслосообразность) исторической реальности, создает ее когнитивную «картину» в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место исторической реальности, эта «картина» посылает такие же личные его «послания», как и сама реальность; 3) историческая реальность сама по себе не дает никаких гарантий адекватности исторического знания; 4) об исторической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных исторических теорий, с учетом методологических возможностей различных научных парадигм; 5) исторические знания как репрезентации исторической реальности не являются ее «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего; 6) исторические знания, зависящие от культурно-эпистемологического контекста и методологического выбора, имеют статус познавательных конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от скептических возражений; 7) историк, создавший определенную «картину» исторической реальности, может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую ее сторону, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания историческая реальность начинает встречать историков в разных «ипостасях», которые ученые выбирают для конкретной научной «встречи». В этом сознании преодолевается «жажда» объективности и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится исторической реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого» [14], а историческое знание – как книга о «реальности прошлого», пишущаясь вновь и вновь различным образом в языках тех или иных культур и исторических эпох. Множественность познавательных контекстов делает историческую реальность принципиально многозначной и превращает историю в «искусство памяти» [15].

Эпистемологический контекст интеллектуальной ситуации в исторической науке после постмодернизма составляет конкуренция между рассудочно-социологическими и экзистенциально-антропологическими теориями исторического познания. Рассудочно-социологические теории,

пытаясь придать истории статус «строгой науки», стремятся элиминировать субъект исторического познания и представить субъектно-объектные отношения в нем во все более жестких абстракциях. В рамках рассудочно-социологической теории господствует принцип монистической интерпретации исторической реальности, который на практике сопровождается: 1) признанием в качестве научного только одного способа изучения исторической реальности; 2) методологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием всех других способов изучения этой реальности; 3) утверждением о том, что только одна из конкурирующих исторических теорий является истинной, а все другие – ложными; 4) признанием возможности получения объективно-истинного исторического знания, т.е. такого научного знания, которое полностью соответствовало бы изучаемой исторической действительности, обеспечивая тем самым однозначность его содержания; 5) претензиями историков-монистов на монопольное обладание научной истиной.

Экзистенциально-антропологические теории исторического познания, наоборот, стремятся не только сохранить субъект исторического познания, но и представить его как целостность, в единстве мышления и деятельности. В рамках экзистенциально-антропологической теории доминирует принцип плюралистической интерпретации исторической реальности, который на практике означает: 1) утверждение о том, что историческая реальность может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (принцип многовариантности); 2) признание того, что по отношению к предмету научного исторического исследования можно сформулировать множество исследовательских задач, приоритетность которых зависит от методологического выбора исследователя (принцип дополнительности); 3) признание того, что один и тот же класс исследовательских задач можно решать с помощью различных методологических средств, выбор которых – прерогатива историка (принцип альтернативности); 4) признание того, что по отношению к определенному классу исследовательских задач применяется, как правило, свой специфический способ их решения, давший в рамках определенной познавательной парадигмы необходимый научный результат (принцип парадигмальности); 5) требование, согласно которому любая из удачных интерпретаций исторической реальности является ограниченной, и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс научного познания (принцип методологической ограниченности).

На рубеже веков в российской исторической науке отчетливо проявился переход от монистической интерпретации исторической реальности к плюралистической [16]. Во многом это объясняется тем, что в современном научном мире, как подчеркивают некоторые исследователи,

почти не осталось историков, которые бы с «такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и многослойного мира истории с его разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно продуманным, единым схемам и моделям развития» [17]. В результате критике стало подвергаться представление о том, что историк должен стремиться передать нам «непосредственный» опыт прошлого [18]. Однако сегодня, как отмечают некоторые исследователи, даже в профессиональной среде ученых еще отнюдь не изжиты представления о том, что история должна рассказывать, как все было «на самом деле». Поэтому в исторической науке все еще не утихают споры об объективности и субъективности истории и, вероятно, эти споры еще будут долго продолжаться [19].

Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке характеризуется также мультипарадигмальностью научного познания, которая выражается в следующем: 1) переход от монистической интерпретации исторической реальности к плюралистической сопровождается формированием такого методологического сознания, в котором начинают конкурировать множество научных парадигм (методологический плюрализм); 2) в условиях методологического плюрализма представители различных течений и школ отдают предпочтение разным методологическим подходам, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой исторические теории предметного содержания (методологическая конкуренция); 3) историческая наука становится «ярмаркой идей», когнитивным полем многообразных научных дискурсов, в результате которых историческая реальность растворяется во множество теоретических конструкторов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений (методологический релятивизм).

Мультипарадигмальность исторического познания после постмодернизма подкупает «демократичностью» и «интеллектуальными возможностями», поэтому сосуществование и конкуренция различных парадигм исторического исследования является необходимым условием нормальной интеллектуальной ситуации в исторической науке. Однако в российской исторической науке мультипарадигмальность исторического познания привела к складыванию такой интеллектуальной ситуации, которая позволяет применить по отношению к ней метафору коммунальной квартиры: представители каждой из парадигм имеют свои критерии исторически значимого, свой научный язык и свою методологию, что затрудняет научную коммуникацию в российском профессиональном сообществе историков.

Кроме того, мультипарадигмальность исторического познания в России привела не к утверждению в нем принципа методологического плюрализма, а к становлению духа «плюралистически дискретного монизма», перманентно порождающего интеллектуальный сепаратизм. Этот сепаратизм в историческом познании сопровождается, с одной стороны, гносеологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием представителями той или иной парадигмы других возможных способов познавательной деятельности в исторической науке, а с другой – признанием в качестве универсального только своего способа изучения исторической реальности.

Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке характеризуется также тем, что политическая либерализация конца XX в. в России принесла историкам свободу – свободу выбора темы научных интересов, исследовательской методологии, научной школы. У отечественных историков появилась возможность работать с ранее недоступными архивными материалами, вести плодотворный диалог с иностранными учеными. Однако для отечественной исторической науки все это не сопровождалось наступлением «золотого века». Более того, общим стало представление о снижении качества исторических исследований в современной России и утрате былых позиций в мировой исторической науке. Свобода, как отмечают некоторые исследователи, принесла служителям Клио в России новые вызовы, на которые им не всегда удается найти адекватные ответы [20]. В результате наблюдается падение конкурентоспособности отечественной научной исторической продукции на внешних интеллектуальных рынках.

В связи с этим некоторые ученые призывают «подумать, почему российские историки не занимают сейчас ведущих позиций в мировой историографии, особенно в методологии истории». По их мнению, на то есть несколько причин: во-первых, российских историков мало знают и редко читают на Западе; во-вторых, у них подчас не хватает смелости открыто сказать, что не все забытое старое плохо, что многие традиционные приоритеты не утрачивают своего значения и ныне, когда каждое поколение историков создает свою историю; в-третьих, в нашей стране пока и количество исследователей, и расходы на общественные и гуманитарные науки остаются крайне низкими по международным меркам [21].

На наш взгляд, падение конкурентоспособности отечественной научной продукции на внешних интеллектуальных рынках было обусловлено не только этими причинами, но и тем обстоятельством, что уже в начале 90-х гг. прошлого века на волне критики марксистской парадигмы обнаружился дефицит креативности среди ученых, связанных с разработкой новых способов научно-исследовательской деятельности в исторической науке. Одни из этих ученых встали на путь модернизации старой

марксистской парадигмы, предложив, в частности, проект дополнения формационного подхода цивилизационным. Затем в рамках такого «синтетического» подхода была выдвинута идея «формационно-цивилизационного резонанса», согласно которой социально-исторический процесс представляет собой «продвижение» человеческого общества, состоящего из взаимодействующих цивилизаций, от одной формации к другой [22]. Другие ученые, отказавшись от марксистской парадигмы исторического познания, обратились к западноевропейской интеллектуальной традиции, сотворив себе новых кумиров в лице различных представителей академической науки на Западе. Теоретические конструкты этой науки, их понятийный аппарат стали широко использоваться в отечественных научных исследованиях, посвященных российской исторической специфике.

Некоторые из этих конструктов превратились в отечественной исторической науке в интеллектуально-когнитивные моды как теоретические образцы познавательной деятельности, преобладающие в определенном научном сообществе и выполняющие в научном познании нормативно-принудительную функцию. Сами эти образцы являются следствием интеллектуального подражания когнитивным авторитетам. Наличие интеллектуально-когнитивных мод является характерной чертой интеллектуальной ситуации в исторической науке в современной России, и это связано прежде всего с особенностями стиля научного мышления многих отечественных ученых. Характеризуя этот стиль, специалисты отмечают, что «ни у одного народа мы не видим таких специфических особенностей научного и обычного восприятия, как видим это у нас, русских: мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием не критичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [23]. Некритичность русского познавательного духа и породила склонность многих российских историков к интеллектуальной подражательности и интеллектуальным заимствованиям.

Развернувшаяся в 90-х гг. прошлого века в России мощная критика марксистской парадигмы сыграла большую роль в создании интеллектуальных условий для заимствования и усвоения иных методологических подходов, вброшенных на российский интеллектуальный рынок западной исторической наукой. Это было следствием того, что не критичность русского познавательного духа реанимировала представление о том, что элитарная историческая наука существует только на Западе и, следовательно, она должна быть объектом интеллектуального подражания. Поэтому спасительный выход из тупиков марксистской теоретической догматики многие российские исследователи увидели в некоторых модных западных теориях общественного развития.

В связи с этим в российской исторической науке на рубеже веков появилась такая негативная тенденция, как «научное трансляторство». Ее появление было обусловлено тем, что многие ученые не смогли стать производителями нового теоретического знания и, обратившись к западноевропейской интеллектуальной традиции, превратились в «трансляторов» «готовых» уже исторических теорий, внедряя их в научно-исследовательскую практику без всякой предварительной социокультурной и эпистемологической экспертизы. Так, в 90-х гг. прошлого века одними из самых распространенных объяснительных конструктов в российском научном сообществе стала теория модернизации. Причем это произошло в то время, когда на Западе, откуда пришла эта теория, уже к середине 80-х гг. XX в. модернизационные концепции оказались в кризисе и были «оттеснены в мировом общественном мнении на задний план» [24].

Широкое распространение теории модернизации в исторической науке в России было во многом обусловлено тем, что значительный интеллектуальный сегмент отечественной исторической мысли был готов к ее восприятию. Во многом это объясняется особенностями профессионального стиля мышления отечественных ученых. Активно разрабатываемые в 50–70-х гг. XX в. американскими и западноевропейскими учеными различные теории модернизации были выполнены в русле методологии «однолинейного прогрессизма», суть которой состоит в представлении о том, что существует одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Эти теории модернизации и были призваны указать менее развитым странам, или, так называемым, переходным обществам, траекторию движения к современному состоянию.

В 90-х гг. XX в. в исторической науке в России был отменен марксизм и его составная часть – теория общественно-экономических формаций, но не произошло отказа от того стиля мышления, в русле которого она разрабатывалась. Основой этого стиля и была как раз методология «однолинейного прогрессизма», поэтому западные концепции модернизации легко вписывались в отечественный интеллектуальный контекст. При этом не критичность русского познавательного духа и «антитеоретический консенсус» привели к тому, что немногих отечественных ученых волновал в то время вопрос о том, а можно ли вообще применять западные теории модернизации для объяснения российских исторических реалий.

Такой же оказалась судьба и другого модного в 90-х гг. XX в. теоретико-методологического конструкта – цивилизационного подхода. К середине 90-х гг. цивилизационный подход, наряду с модернизационным, стал наиболее модным в российском интеллектуальном сообществе. Это произошло в то время, когда на Западе уже был утрачен интерес к теории цивилизаций как познавательному средству, поскольку сам цивили-

лизационный подход оказался в состоянии глубокого кризиса [25]. В связи с этим в отечественной методологической литературе уже в конце XX в. были поставлены вопросы: не опоздали ли мы с заимствованием теории цивилизаций? выживет ли идея цивилизации вообще в условиях глобализации в качестве объяснительного конструкта российских реалий? [26]

В целом попытки некритического заимствования и использования в отечественных когнитивных практиках западных теоретических конструктов свидетельствуют об определенной интеллектуальной стагнации исторической науки в России, которая сопровождается снижением уровня профессиональной культуры и научно-исследовательского мастерства историков, что сказывается и на качестве их научных исторических исследований.

Однако, несмотря на это, некоторые ученые, подводя итоги интеллектуальной трансформации российской исторической науки, полагают, что последние два десятилетия могут быть признанными для нее вполне плодотворными. При этом они выделяют две проблемы, с которыми столкнулась российская историческая наука на рубеже веков: 1) корпоративная идентичность отечественных историков находится в разобранном состоянии; 2) историческая наука переживает нашествие многочисленных неофитов, полагающих, что историописание – это не есть особое профессиональное ремесло, которому нужно учиться, а всего лишь вариант любительского занятия или вид коммерции, на которой можно заработать продажей макулатуры на историческую тему [27].

В связи с этим стоит обратить внимание на такие негативные явления в российской исторической науке, как «научное антрепренерство» и нашествие «околонаучного маргинала». «Научное антрепренерство» обусловлено стремлением некоторых историков «браться за любые задачи, предлагать быстрые и плохо продуманные решения, искажать полученные данные в угоду заказчику» [28]. «Научное антрепренерство» часто связано с «этосом» государственной или этнической сервильности, который определяет институциональные каноны научно-исследовательской деятельности в исторической науке. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к научной истине, а удовлетворение запросов со стороны государства или этнических групп в ракурсе государственного или этнического историзма [29].

В результате в историческом познании произошел «всплеск» фальсификаций, который был обусловлен развернувшейся в эпоху глокализации интеграцией локальных сообществ, сопровождаемой поиском национальной идентичности и обострением интереса к истории как средству легитимации их культурной самодостаточности и исторической исключительности. Важнейшим ресурсом такой легитимации выступает коллективная историческая память, в которой по-своему осмысливается истори-

ческое прошлое и создается своя версия истории, строящаяся на основе доминирующей культурной традиции. В этой версии содержатся такие трактовки истории, которые имеют особое общественно-политическое и эмоционально-нравственное значение для конкретной страны или этнической общности. Поэтому в настоящее время культурную жизнь национальных и этнических сообществ захлестнула «мемориальная мания», в контексте которой формируются «институты памяти», складывается особая «историческая политика», происходит «национализация истории», создаются конкурирующие «воспоминания о прошлом», тесно связанные с ее политизацией и этнизацией, заинтересованностью различных политических и этнических сил в «переписывании истории» [30].

«Нашествие околонучного маргинала» связано с появлением в интеллектуальном сообществе историков без профессиональной подготовки, но жаждущих признания и создающих «увесистые» труды, претендующие на «переворот» в исторической науке. Типичным примером маргинализации исторического познания является «фолк-хистори» – своего рода номинация для обозначения претендующих на научность литературно-публицистических трудов и идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных, в основном, непрофессионалами с позиций негационизма как разновидности исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на полном отрицании или игнорировании научных исторических фактов.

Сложившаяся в российской исторической науке интеллектуальная ситуация в условиях «кризиса фрагментации исторического знания» показала, что «есть время разбрасывать камни, а есть время собирать их»: в сообществе историков вновь усилилась когнитивная потребность в новой целостности исторической реальности, сопровождаемая активизацией холистского исторического мышления. В рамках этого мышления в российской исторической науке уже намечились некоторые когнитивные прорывы, связанные с формированием, во-первых, неоклассической модели научного исторического исследования; во-вторых, исторической концептологии как новой отрасли кросс-дисциплинарных научных исследований.

Неоклассическая модель исторического исследования представляет собой такой тип познавательной деятельности, который направлен прежде всего на преодоление «односторонностей» рассудочно-социологических и экзистенциально-антропологических научно-исследовательских практик в исторической науке. Преодолевая эти «односторонности», неоклассики предлагают идею «третьей книги», которая должна объединить исследовательские практики, тяготеющие как к микроистории и пониманию, так и к макроистории и объяснению [31].

В связи с этим неоклассики считают, что историк должен изучать не только единичные действия и создаваемые ими факты исторической по-

вседневности, принадлежащие миру микроистории, но и big structures, и процессы *longue duree* макроисторического характера, целостный охват которых невозможен без определенных познавательных процедур, улавливающих движение истории во времени и пространстве. Это предполагает разработку многомерных методологических конструктов, которые базируются, с одной стороны, на разноуровневом и разномасштабном видении исторической реальности, а с другой – на синтезе «положительных» когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования с учетом всего того научно-рационального, что содержится в постмодернизме [32].

Неоклассики утверждают, что между историческим прошлым и взглядом ученого на него существует определенная связь. Поэтому проблеме объективности исторического познания они рассматривают в контексте диалога между историком и изучаемой исторической реальностью. Неоклассики не согласны с постмодернистами в том, что в историческом знании отражаются только наши собственные концепты и конструкты, а сама историческая действительность имеет весьма слабый референциальный статус. Вместе с тем, рассматривая научный диалог как дискурсивное моделирование исторической реальности, неоклассики признают, что в историческом исследовании немалое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета [33].

Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков характеризуется активизацией холистского научного мышления, стремящегося к новой целостности истории. В рамках этого мышления начинает формироваться новая отрасль исторического знания – историческая концептология, основу которой составляет концептуальное мышление как интенция научного исторического сознания, направленная на «схватывание» смыслов в наиболее сложных случаях постижения российской истории. В рамках концептуального мышления особую актуальность сегодня приобрели такие концепты, как «Россия и Мир», «Россия в Мире», «Мир России», от содержательных интерпретаций которых зависят ответы на сакраментальные вопросы беспокойной отечественной исторической мысли: кто мы и куда идет Россия.

Эти вопросы вновь актуализировали в отечественном интеллектуальном дискурсе метафору пути, имеющую в русском культурно-познавательном контексте особые смыслы. Один из них связан со «склонностью русских к духовному странничеству, которое свидетельствует об их постоянной потребности в самоидентификации, поисках правды и справедливости, а также своего места в меняющемся мире» [34]. Другой смысл метафоры «путь» связан с духовными практиками интеллектуалов, отправляющихся в «путешествие за истиной».

Новое «путешествие» за исторической истиной в России началось в конце XX в., когда стало ясным, что ее либеральный демократический «транзит» закончился неудачей, и очередная попытка России стать Европой провалилась. Все это побудило рефлексирующее сознание интеллектуалов к поиску причин неудач реформирования России сверху, в том числе и через осмысление ее особого исторического пути развития. Такое осмысление заставляет постоянно прибегать в интеллектуальном дискурсе к различного рода концептам, представляющим собой теоретические конструкции, наполненные ценностным содержанием, которые как акты памяти ориентированы в прошлое, как акты воображения – в будущее, как акты суждения – в настоящее [35].

Примечательно, что на рубеже веков в российской исторической науке появилось сразу несколько базовых концептов, претендовавших в метафорической форме выразить специфику исторического пути России: «Раздаточная экономика» (О.Э. Бессонова), «Тень Грозного царя» (А.Л. Янов), «Русская система» (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов), «Русский ген» (В.Б. Пастухов), «Государственность и катастрофа» (А.С. Ахиезер, И.М. Клямкин, И.Г. Яковенко), «Кормить и править» (Т.С. Кондратьева), «Российская колея» (А.А. Аузан), «Колея и перевал» (Н.С. Розов) [36]. В структуре этих концептов присутствуют ассоциативные компоненты, выраженные в форме образно-метафорических коннотаций. Эти компоненты играют очень важную познавательную роль, поскольку дают емкие представления, позволяющие в целом «схватывать» внутреннюю суть исторических явлений. Кроме того, метафоры обычно становятся основой концептуализации исходного знания эмпирического, теоретического и аксиологического содержания.

Появление новых концептов-метафор в конце XX – начале XXI в. было обусловлено во многом тем, что в российской исторической науке в это время актуализировалась проблема языка научного дискурса. Эта проблема была порождена осознанием того, что в отечественном историческом познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения специфики российской истории, поскольку при ее изучении многие исследователи пользуются исключительно языком западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде при изучении иных культурно-исторических реалий. При этом было забыто методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления» [37].

В связи с этим появление новых концептов-метафор в историческом дискурсе в России можно рассматривать как попытку, с одной сто-

роны, преодоления синдрома подражания, свойственного русской интеллектуальной мысли, а с другой – разработки языка, адекватного для изучения российской исторической реальности. Речь, разумеется, при этом идет не о претензиях на создание особой, национальной версии исторической науки в России, а о поиске пути выхода из той интеллектуальной стагнации, куда их завели интеллектуальные моды и когнитивная подражательность.

Примечания

1. *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 5.

2. *Дезер М.* Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков? М., 1997. С. 145–156.

3. *Корнев В.В.* Кризис исторической науки в России // Кентавр. 1995. № 4; *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 4; *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки. 2002: историографический вестник. М., 2002.

4. Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 75–90.

5. *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 3.

6. *Ретина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 3.

7. Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.

8. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2009; *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

9. *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 11.

10. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 64.

11. *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94. P. 881.

12. *Руткевич А.М.* Прошлое историка. М., 2006.

13. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010.

14. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
15. *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 25–26.
16. *Лубский А.В.* О монистической и плюралистической интерпретации истории // Метадалагічныя праблемы гісторычнай навук: Зб. артыкулаў па матэрыялах міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 1993.
17. *Искандеров А.А.* Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 17.
18. *Мегилл А.* Историческая эпистемология... С. 6.
19. *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв... С. 139; *Бойцов М.А.* В защиту «субъективности» // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / под ред. С.П. Карпова. М., 2012. С. 95–104.
20. *Маркедонов С.* Историческая наука в посткоммунистической России: от несвободы к непрофессионализму? Режим доступа: <http://www.russ.ru/politics/20011003-mar.html>.
21. *Карнов С.П.* Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития (в связи с 75-летним юбилеем истфака МГУ) // Новая и новейшая история. 2009. № 5.
22. *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 108–109; *Шульдин Б.П.* Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 3–28.
23. *Иванов Вс.Н.* Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы российской государственности. СПб., 2005. С. 15–16.
24. *Володин А.Г.* Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования. М., 2003. № 2. С. 21.
25. *Лубский А.В.* Исторический дискурс: интеллектуальная мода и модные понятия // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 5. К.: Інститут історії України НАН України, 2010/2011.
26. *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118, 127.
27. *Тишков В.* Историческая наука: новые вызовы и задачи для России // Вестник российской нации. Институт этнологии и антропологии РАН. 2010. № 1–2 (9–10).
28. *Юревич А.В.* Звездный час гуманитариев: социогуманитарная наука в современной России // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 121.
29. *Орлова И.Б.* Введение в социологию исторического знания. М., 2009. С. 198–200.

30. *Лубский А.В.* Фальсификация и фальсификационизм в историческом познании // Харківський історикографічний збірник. Вип.11. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. С. 42–52.

31. *Володихин Д.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация». Режим доступа: <http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>.

32. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168.

33. *Мальковская И.А.* Россияведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 79.

34. *Тиме Г.А.* Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 17.

35. *Веряскина В.П.* Концепт «образцового человека» // Человек. 2004. № 4. С. 49.

36. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3; *Янов А.Л.* Тень Грозного царя. Загадка русской истории. М., 1997; *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4; *Пастухов В.Б.* Конец русской идеологии. Новый курс или новый Путь? // Политические исследования. 2001. № 1; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005; *Кондратьева Т.С.* Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв. М., 2006; *Аузан А.А.* «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6; *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.

37. *Файерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 432.